

DOI 10.22363/2618-897X-2018-15-4-618-627

Роман Андрея Волоса «Возвращение в Панджруд»: реконструкция повседневности Мавераннахра и судьбы поэта Рудаки

Э.Ф. Шафранская

Московский городской педагогический университет

Российская Федерация, 129226, Москва, 2-й Сельскохозяйственный проезд, д. 4, к. 1

В статье содержится презентация романа «Возвращение в Панджруд» современного прозаика Андрея Волоса. В частности, речь идет об особенностях жанра романа, о судьбе главного персонажа — персидского и таджикского поэта Джафара Рудаки, об историко-культурном фоне романа — средневековой жизни Мавераннахра, исторической области Центральной Азии. Обозначены вневременные проблемы, волновавшие Рудаки и его окружение, но представляющие интерес и для современного читателя. Андрей Волос сумел воссоздать в своем русском романе — по древним рукописям, по мифам и легендам — биографию великого поэта, у которого до выхода этого романа, собственно, биографии и не было, она осталась в веках. Тем самым современный писатель проложил мост не только во времени, но и между разными культурами.

Ключевые слова: поэт, Рудаки, Мавераннахр, Андрей Волос, ориентализм, роман-биография, травелог

1. Введение

В последнее время в русском дискурсе, а также в культуре повседневности наблюдается возрождение интереса к Средней Азии, ее истории и культуре. Публикуются тексты о Средней Азии забытых (по разным причинам) писателей [1; 2], историков, востоковедов [3—8], появляются новые исследования о культуре Средней Азии [9—11] и русской литературе о ней [12], выходят новые романы о Средней Азии [13; 14]. Среди современных авторов, пишущих о Средней Азии, — прозаик Андрей Волос. Известность ему принес первый роман «Хуррамабад» (2000), награжденный Государственной премией РФ. Все произведения Волоса, написанные и опубликованные впоследствии («Маскавская Мекка», «Победитель», «Таджикские игры» и др.), в той или иной степени также связаны с постсоветской проблематикой.

Параллельно с написанием новых романов (из тетралогии «Судные дни») создавался роман «Возвращение в Панджруд»; в ряде интервью Андрей Волос говорит, что на него ушла четверть века. Этот роман тоже получил награду — «Русский Букер» в 2013 году. Роман далек от постсоветских проблем, он о Средневековье. Главный герой — таджикский (и персидский) поэт Джафар Рудаки, живший на стыке IX—X веков.

Собственно, роман *Волоса* представляет реконструкцию биографии поэта. Реальной биографии Рудаки не существует. Неизвестны ни точные даты его рождения и смерти, ни его социальное происхождение: был ли он выходцем из богатых или бедных слоев; ни причины его слепоты: врожденная она или насильственная. Лишь в 1950-е годы антрополог М. М. Герасимов установил, что Рудаки был ослеплен в возрасте примерно шестидесяти лет. Хотя и этот факт в какой-то мере гипотетический. Таким образом, жизнь Рудаки предстает в сознании современников весьма мифологизированной.

2. Обсуждение

Этим и ценен роман *Волоса* — наконец поклонники поэзии Рудаки получили относительно полную, логически выстроенную биографию поэта, пусть и с долей художественного вымысла и условности. Ведь, скажем, о наполеоновских войнах обыватель тоже знает не по историческим источникам, а по роману Льва Толстого «Война и мир». Такую же нишу, безусловно, в читательском сознании займет и роман «Возвращение в Панджруд». Тем не менее роман не назван именем поэта — в этом одна из интриг.

Другая грань романа — травелог, путешествие из Бухары, где Рудаки служил при дворе эмира, в его родное село Панджруд (в переводе — пять ручьев), откуда он подростком отправился учиться в Самарканд, обещая деду вскоре вернуться.

Я вернусь, — сказал он, глядя в выцветшие глаза деда... Дедушка! — крикнул в его сутулую спину Джафар. — Ты что? Ну я же правда вернусь! Весной! [15. С. 64–65].

Вскоре не получилось, дед умер, не дождавшись внука. Рудаки возвращается домой покалеченным старцем.

Отличительная черта воссозданной биографии поэта в том, что она нарисована не в привычной парадигме поэта-небожителя, не в сочетании клишированных составляющих, выработанных советским биографическим дискурсом, как-то: влияние окружающего ландшафта, фольклора, дружба с простыми людьми и проч. Рудаки предстает живым, противоречивым, чем и располагает к себе, его личность не превращается в праведника или забронзовевший монумент.

Рудаки в меру тщеславен:

...Ваша речь льется свободно и плавно, как вода в большой реке... Разве по-арабски это могло звучать лучше?

Джафар хмыкнул. — Ну ладно, не стоит преувеличивать моих заслуг, — с достоинством и довольно строго сказал он (несмотря на то, что, как отметил Шеравкан, ему все же не удалось устоять перед лестью) [15. С. 350–351].

Рудаки склонен к компромиссам: на предложение служить при дворе эмира отвечает согласием, так как понимает, что достигнуть славы возможно только будучи приближенным к власти:

...У поэта нет иного пути. Если ему нет места при дворе — тогда пусть выльет чернила и сломает калам... В противном случае нужно забыть об этой стезе [15. С. 362].

Рудаки скептически в отношении воздействия литературы на человека: ему приятно видеть рядом шарлатана и вора, представлявшегося его именем, присвоившего его стихи. Однако мудрость, которую транслирует шарлатан, не добавила ему ни нравственности, ни чести.

В отношении веры Джафар Рудаки тем более не мог быть образцом. Он часто допускал вольности в рассуждениях о вере... и даже о Пророке... Он сеял смуту в сердца верующих. Распространял мысли о незначительности разницы между разными толками веры... короче говоря, он не старался отстоять истину, как это положено мусульманину [15. С. 610].

Да и в быту Рудаки был далек от праведности:

...Джафар вел праздную жизнь всем известного в Самарканде гуляки [15. С. 370].

С глухим раздражением понимал, что не выпался, что его томит похмелье, что на бейты эти, будь они неладны, смотреть он не хочет, а хочет, напротив, вернуться в спальню, завернуться в чистую, пахнущую речной водой курпачу и крепко уснуть... [15. С. 375].

Уже слепой, он с гордостью в душе носит титул Царя поэтов, и когда скомоорох-масхарабоз разыгрывает сцену его ослепления (см. [15. С. 415—416]), он скептически принимает это карнавальное обыгрывание его личной трагедии.

Рудаки критичен в отношении человека:

...В подлунном мире вообще нечасто встречаются люди, способные разделить чужую радость... может быть, где-нибудь там, за мостом Сират... или за рекой из расплавленного металла... а здесь — по пальцам перечесть [15. С. 471—472].

Джафар Рудаки предстает в романе Волоса агностиком. Таковы его суждения:

...Люди косны и невеликодушны. И никогда не станут другими. На сотню находится один, способный взглянуть на вещи с такой высоты, что уже нельзя отличить одну веру от другой [15. С. 461].

У простого мусульманина спроси, чем суннит от шиита отличается, долго будет затылок чесать, да так и не разродится. По ходу дела может и того не понять, что и сам из суннита давно шиитом сделался [15. С. 518—519].

Тут-то Джафар и осведомился — довольно желчно — насчет того, какую именно веру их новый друг называет «истинной» — не ту ли, что позволяет молящемуся увидеть свет и услышать голоса?.. Да, сказал он, именно такую веру он и называет «истинной» — именно ее, веру мусульманскую, заповеданную Пророком... Однако существуют совершенно достоверные сведения, что христианские аскеты с помощью поста и молитвы достигают того же самого: видят свет и слышат голоса [15. С. 567—568].

...Что касается ада, то в какого бога ни верь, дорога одна. Если способен думать, чувствовать, быть великодушным и не гневаться — ты и так в раю, и будущее не должно тебя пугать. А если нет, то и ад тебе не страшен, потому что ты и без того в нем [15. С. 636].

Эпоха зороастрийцев не так далека от времени, в которое жил Рудаки, память о предках еще была свежа. Не только Рудаки чтит предков, но и эмир, которому он служил.

Мы — правоверные мусульмане, — любил повторять эмир. — Но над могилой моего деда, великого эмира Исмаила Самани, сооружен мавзолеем в виде храма зороастрийцев... Аллах велик, но стоит ли нам забывать о своих предках? [15. С. 206].

Выдержками из Авесты — говоря о священных животных зороастрийцев (кабане, собаке) — Рудаки смущает своего юного поводыря:

Люди Согда — а мы, в сущности, потомки людей Согда, согдийцев — поклонялись огню... Но уж у твоего прадеда в доме наверняка был особый очаг, где всегда горел огонь... [15. С. 280—281].

Эта склонность Рудаки к диалектике и стала одной из причин его мучительной казни — ослепления.

И все же «Возвращение в Панджруд» не роман-биография, не роман-путешествие. Его жанровая природа много сложнее. Скорее, роман можно считать исторической реконструкцией: читатель погружается в повседневность эпохи Мавераннахра. Андрей Волос попытался создать полноцветную картину жизни рубежа IX—X столетий. Множество персонажей, исторических и вымышленных, при дворе эмира, в учебных заведениях, в чайханах, в городах и кишлаках, на площадях и в зинданах, скоморохи-масхарабозы, дервиши, муллы, визири, воины, эмиры, бедные крестьяне, поэты, талантливые и бездары — все и все служат воссозданию полноценной картины жизни среднеазиатского Востока — Самарканда и Бухары.

Герои романа рассуждают о вере, власти, поэзии, языке, человеке. Сюжет приобретает вид параболы: он не только о том времени — он о всех временах, он о тех проблемах, которые непреходящи, они интересны и насущны для современности.

Но ведь и под луной нет ничего нового. Просто луч света упал под другим углом — и мир вокруг выглядит немного иначе. Только дураки ждут от беседы все новых и новых новостей. Что нового может сказать человек, если даже Бог повторяет одно и то же? [15. С. 455].

Самарканд эпохи Мавераннахра был интеллектуальной столицей Средней Азии. Здесь зарождались и развивались поэтические традиции. Еще юношей в первый день приезда Джафар стремится к Стене поэтов, ему

не терпелось удостовериться, что и впрямь на земле есть место, где всяк может вывесить лоскут бумаги или пергамента со своими виршами... Длинная восточная стена Регистана была сплошь завешена сухими капустными листьями [15. С. 238] —

именно на них были записаны поэтические вирши, прочитав которые поэты тут же устраивали семинары и обсуждения.

...Каждый лист кричал о том, как много в мире людей, сочиняющих стихи, с какой жадностью они ждут одобрения и похвалы, как мечтают стать знаменитыми... [15. С. 243].

Через несколько дней Джафар — инкогнито — становится свидетелем обсуждения его стихов:

...В этом стихотворении — читай! — любимую сравнивают с куропаткой!.. Где такое бывало, чтобы любимую сравнивали с куропаткой?!.. Любимая — и куропатка. Что за

глупость?! Ни в какие ворота. Любимая — роза! Любимая — нарцисс! В самом крайнем случае — горлица! Но уж никак не куропатка, никак... Чем тебе нехороша куропатка?! Что, куропатка — некрасивая птица?.. А при чем тут арабские слова?!.. Почему человек, который пишет на родном языке, должен использовать арабские слова?! Он что — араб?! Пусть арабы пишут по-арабски. У нас есть свой язык! [15. С. 260—261].

Юный поэт испытал радость: его стихи обсуждают маститые поэты, может, и хулят, но они их заинтересовали!

Джафар уже пятился вдоль стены Регистана, отступая к строениям первых переулков. Свернув за угол, он ударил себя кулаками по коленкам и подпрыгнул, как заяц, изо всех сил маша руками. Он сам не знал, что делать, — может быть, взлететь? Может быть, превратиться в порыв ветра?! Сорвался с места, кинулся со всех ног. Воздух казался слаще меда... Долго лежал, стараясь пережить свою радость — и все никак не находя сил сделать это. Она накатывала новыми и новыми волнами — он плакал, смеялся, катался по траве, снова смотрел в небо, снова плакал и снова смеялся [15. С. 262—263].

Джафар понял, что как истинный поэт он должен сочинить себе лакаб, псевдоним.

Он же из Панджруда... Руд — поток... Рудак — речушка, ручей. Скорее даже — ручеек. Может быть, Рудаки? Сидящий у ручья... [15. С. 264].

Так он стал Рудаки. Вокруг вывешенных его слугой стихов с вплетенным в последнюю строчку лакабом толклись знатоки поэзии, восклицавшие «да кто же такой этот Рудаки? кто знает этого Рудаки?..» [15. С. 356].

Все с ума посходили. Каждый, кто хоть сколько-нибудь интересуется поэзией, только и долдонит: Рудаки, Рудаки, Рудаки, Рудаки! Но главное — базар. Вы знаете, что ваши стихи поют на базаре?.. — Да-а-а... Услышать свои строки из уст какого-нибудь болвана, сидящего на возу с морковкой, — вот истинное призвание [15. С. 359—360].

Не только царедворцы наслаждались стихами Рудаки, но, что было важнее для самого поэта, его строки повторяли как поговорки, напевали как песенки простые люди, потому что стихи Рудаки были созданы на понятном им языке.

Если б не вы, господин Рудаки, мы бы никогда не поняли, на каком языке говорим. Ваши песни распевают по всему Аджаму. Строки из них становятся поговорками, люди повторяют, даже не зная, откуда они взялись. Вы великий стихотворец... [15. С. 271].

У Джафара Рудаки был единомышленник, Юсуф. Уже ослепленный, Джафар часто вспоминает их диалоги. Так, они рассуждают о власти:

В древности правитель отчитывался перед народом за свои поступки... Но почему управлять им должен тот, кто ничуть не просвещенней самого темного из них? [15. С. 459].

Если нельзя сделать народ лучше и умнее, давай остановимся на том, что хотя бы управлять им должны не тупые жадные властители, а мудрецы [15. С. 461].

Но вообще-то людей мало волнует то, что происходит при дворе эмира. За возвышениями и опалой приближенных они следят как за перемещениями небесных светил. Я хочу сказать — примерно с такой же заинтересованностью [15. С. 500].

Эмир Фарнуш думает только о том, как бы ему залезть на бухарский престол... Приближенные и слуги тоже бесконечно двигают в своих изощренных умах шахматные фигуры, олицетворяющие их пособников и соперников. Что, если пожертвовать этой пешкой? Нельзя ли будет затем сожрать коня? И как увернуться вот от того слона, что вчера нашептал эмиру обо мне какие-то гадости?... [15. С. 367].

В романе воссоздана ритуальная жизнь Средневековья, связанная с похоронами, свадьбой, рождением человека. Бесценен фрагмент, посвященный драматическому фольклору (см. [15. С. 412—418]).

Еще одна важная черта, отличающая роман *Волоса* от типологически схожих по изображенному хронотопу: если практически вся русская литература о Востоке — ориенталистская по сути, то повествование *Волоса* принципиально иное. Несмотря на то, что в романе присутствуют все составные локусы и артефакты ориентализма — базар, мазар, мечеть, Арк, зиндан, дервиши, бачи, ришта, гастрономия и проч., — они не репрезентированы как экзотизмы, они — органичная часть картины мира Востока. Например, облик дервиша представлен не зловеще (как часто случается в ориенталистской литературе) и не загадочно. Дервиш — одна из социальных ролей изображенного ландшафта:

На человеке были широкие штаны из некрашеной холстины и такая же простая холщовая рубаха, подпоясанная кушаком. На кушаке болтался нож, деревянная миска и деревянный ковш, голова покрыта войлочным куляхом — примерно таким, как у Джафара, только поновее. В руке посох. Через плечо по диагонали его опоясывал толстый жгут — должно быть, шерстяной плащ, скатанный вместе с молитвенным ковриком. — Суфий, — подтвердил Шеравкан [15. С. 549].

Дав клятву верности, ученик взамен получал хирку, благодать и колпак на голову, называвшийся не куляхом, как у простых людей, а таджем, то есть венцом [15. С. 559].

Бача, изображавшийся в русской литературе, начиная с XIX века, с придыханием или осуждением (см. прозу Н. Каразина, В. Верещагина, травелоги востоковедов), в романе *Волоса* показан остраненно, без ориенталистской рецепции:

Шеравкан сидел, прислонившись спиной к стене, и смотрел на огонек каганца, причудливо танцующего на кончике фитиля. Этот маленький гибкий танцовщик был в оранжевой рубахе и голубых шароварах... или, может быть, танцовщица? [15. С. 113].

Роман «Возвращение в Панджруд» продолжает мотив слепоты, весьма популярный в мировой литературе. Вспоминаются тексты австрийских писателей XX века — Ингеборг Бахман «О эти счастливые глаза» [16] и Макса Фриша «Назову себя Гантенбайн» [17]. Плохо видящая героиня рассказа Бахман намеренно постоянно теряет свои очки, чтобы не видеть неприглядных сторон действительности. Герой романа Фриша притворяется слепцом, надевая черные очки и вооружившись тростью слепца, — таким образом он становится свидетелем поступков и намерений окружающих его людей.

Слепота волосовского героя тоже многослойна:

...Джафар шагал следом, и Шеравкан то и дело возвращался к мысли о том, что он ничего не видит. Как много солнца кругом: переливается листва в его лучах, поблескивают камни, синее небо, белые праздничные облака неспешно скользят по его лазури! — а он совершенно слеп и ничего не видит [15. С. 291].

На деле же Рудаки знает жизнь во всех ее проявлениях, он даже слышит — не видит — что вот-вот отвалится подкова у лошади, чем удивляет своего поводыря, Шеравкана, безграмотного юношу. «... Слепой — все равно что неграмотный. А неграмотный — все равно что слепой», — говорит Рудаки и берется обучить юношу [15. С. 444]. Так сюжет романа превращается в инициацию Шеравкана. Путь длиною в сорок фарсахов становится взрослением юноши: наблюдая за реакциями слепого старца, Царя поэтов, Шеравкан постигает бытовые, нравственные, философские, поэтические проблемы, к концу путешествия он научился читать.

3. Выводы

Если антрополог М.М. Герасимов воссоздал по останкам внешний облик поэта Рудаки, то писатель Андрей Волос по историческим мифам и преданиям, документам и хроникам — характер и нрав поэта, его среду и его время. Но самое важное — Андрей Волос выполнил гуманитарную миссию: имя и творчество Рудаки отныне станут известны намного большему числу читателей, чем прежде. Роман «Возвращение в Панджруд» уже переведен на китайский, армянский, македонский, сербский, болгарский, словенский языки. Есть надежда, что список продолжится.

Список литературы

1. *Зальцман П.* Средняя Азия в Средние века (или Средние века в Средней Азии). М.: Ад Маргинем Пресс, 2018.
2. *Мурад Т.* Тарлан: Повести / Пер. С. Афлатуни, В. Муратханова, Г. Власова. М.: Рипол классик, 2018.
3. *Вамбери А.* Путешествие по Средней Азии / Пер. с нем. З.Д. Голубевой; под ред. В.А. Ромодина; предисл. В.А. Ромодина. М.: Восточная литература, 2003.
4. *Варенцов Н.А.* Слышанное. Виденное. Передуманное. Пережитое. М.: Новое литературное обозрение, 2011.
5. *Лыкошин Н.С.* Хороший тон на Востоке / Вступ. ст. и коммент. В.А. Коренько. М.: АСТ; Астрель, 2005.
6. *Наливкин В.П.* Туземцы раньше и теперь: Этнографические очерки о тюрко-монгольском населении Туркестанского края. 2-е изд. М.: Либроком, 2012.
7. *Наливкин В.П.* Полвека в Туркестане. М.: Марджани, 2015.
8. *Хедин С.* В сердце Азии. Памир-Тибет-Восточный Туркестан: Путешествие в 1893—1897 годах. М.: Ломоносов, 2010.
9. *Абашиш С.Н.* Советский кишлак. Между колониализмом и модернизацией. М.: Новое литературное обозрение, 2015.
10. *Голендер Б.А.* Мои господа ташкентцы: История города в биографиях его знаменитых граждан. Ташкент, 2007.
11. *Фатланд Э.* Советистан. Одиссея по Центральной Азии: Туркменистан, Казахстан, Таджикистан, Киргизстан и Узбекистан глазами норвежского антрополога. М.: Рипол классик, 2018.
12. *Шафранская Э.Ф.* Туркестанский текст в русской культуре: Колониальная проза Николая Каразина (историко-литературный и культурно-этнографический комментарий). СПб.: Свое издательство, 2016.
13. *Афлатуни С.* Поклонение волхвов: Роман. М.: Рипол-классик, 2015.

14. *Медведев В.Н.* Заххок: Роман. М.: ArsisBooks, 2017.
15. *Волос А.Г.* Возвращение в Панджруд: роман. М.: ОГИ, 2013.
16. *Бахман И.* О эти счастливые глаза. М.: Прогресс, 1981.
17. *Фриш М.* Назову себя Гантенбайн. Т. 1. М.: Худож. литер., 1991.

© Шафранская Э.Ф., 2018

История статьи:

Поступила в редакцию: 14.08.2018

Принята к публикации: 29.09.2018

Модератор: В.П. Сиячкин

Конфликт интересов: отсутствует

Для цитирования:

Шафранская Э.Ф. Роман Андрея Волоса «Возвращение в Панджруд»: реконструкция повседневности Мавераннахра и судьбы поэта Рудаки // Полилингвильность и транскультурные практики. 2018. Т. 15. № 4. С. 618–627. DOI 10.22363/2618-897X-2018-15-4-618-627

Сведения об авторе:

Шафранская Элеонора Федоровна — доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русской литературы Института гуманитарных наук Московского городского педагогического университета. E-mail: shafranskayaef@mail.ru

Novel “Return to Panjrud” by Andrei Volos as Reconstruction of Daily Life of Maverannahr and Poet’s Rudaki Fate

E.F. Shafranskaya

Moscow Pedagogical University
4, building 1, 2nd Agricultural passage, Moscow, 129 226, Russian Federation

The article presents the novel “Return to Panjrud” by modern prose writer Andrei Volos. In particular, we are talking about the features of the genre of novel, the fate of the main character — the Persian and Tajik poet Jafar Rudaki, a historical and cultural background of the text — the medieval life of Maverannahr, a historical region of Central Asia. The timeless problems that worried both Rudaki and his entourage are outlined. Using the materials of ancient manuscripts, myths and legends, in his Russian novel Andrei Volos managed to recreate a biography of the great non-Russian poet, who, before the release of this novel, in fact, had no complete biography, it remained scattered through centuries. Thus, the modern writer has built a bridge not only in time, but also between different cultures.

Key words: poet, Rudaki, Maverannahr, Andrei Volos, orientalism, novel-biography, travelogue

References

1. Zaltsman, P. 2018. Srednyaya Aziya v Sredniye veka (ili Sredniye veka v Sredney Azii) [Central Asia in the Middle Ages (or the Middle Ages in Central Asia)]. Moscow: Ad Marginem Press. Print. (In Russ.)
2. Murad, T. 2018. Tarlan: Povesti [Tarlan: Stories], translated by S. Aflatuni. Moscow: Ripol klassik. Print. (In Russ.)
3. Vamberi, A. 2003. Puteshestviye po Sredney Azii [Travel across Central Asia]. Ed. By V.A. Romodina. Moscow: Vost. lit. Print. (In Russ.)
4. Varentsov, N.A. 2011. Slyshannoye. Vidennoye. Peredumannoye. Perezhitoye [The heard. Seen. Changed the mind. Endured]. Moscow: Novoye literaturnoye obozreniye. Print. (In Russ.)
5. Lykoshin, N.S. 2005. Khoroshiy ton na Vostoke [Good form in the East]. Moscow: AST: Astrel. Print. (In Russ.)
6. Nalivkin, V.P. 2012. Tuzemtsy ranshe i teper: Etnograficheskiye ocherki o tyurko-mongolskom naselenii Turkestanskogo kraya [Natives Earlier and Now: Ethnographic Sketches about the Tyurko-Mongolian Population of the Turkestani Region]. Moscow: Librokom. Print. (In Russ.)
7. Nalivkin, V.P. 2015. Polveka v Turkestane [Half a century in Turkestan]. Moscow: Publ. house Mardzhani. Print. (In Russ.)
8. Khedin, S. 2010. V serdtse Azii. Pamir-Tibet-Vostochnyy Turkestan: Puteshestviye v 1893—1897 godakh [In Heart of Asia. Pamir-Tibet-Vostochnyy Turkestan: Travel in 1893—1897]. Moscow: Lomonosov. Print. (In Russ.)
9. Abashin, S.N. 2015. Sovetskiy kishlak. Mezhdru kolonializmom i modernizatsiyey [Soviet Kishlak. Between Colonialism and Modernization]. Moscow: Novoye literaturnoye obozreniye. Print. (In Russ.)
10. Golender, B.A. 2007. Moi gospoda tashkenttsy: Istoriya goroda v biografiyakh ego znamenitykh grazhdan [My Masters Tashkentets: City History in Biographies of its Well-known Citizens]. Tashkent. Print. (In Russ.)
11. Fatland, E. 2018. Sovetistan. Odisseye po Tsentralnoy Azii: Turkmenistan. Kazakhstan. Tadzhikistan. Kirgizstan i Uzbekistan glazami norvezhskogo antropologa [Sovetistan. An Odyssey Across Central Asia: Turkmenistan, Kazakhstan, Tajikistan, Kyrgyzstan and Uzbekistan Eyes of the Norwegian Anthropologist]. Moscow: Ripol klassik. Print. (In Russ.)
12. Shafranskaya, E.F. 2016. Turkestanskiy tekst v russkoy kulture: Kolonialnaya proza Nikolaya Karazina (istoriko-literaturnyy i kulturno-etnograficheskiy kommentariy) [The Turkestani Text in the Russian Culture: Colonial Prose of Nikolay Karazin (Historico-Literary, Cultural and Ethnographic comment)]. Saint Petersburg: Svoye izdatelstvo. Print. (In Russ.)
13. Aflatuni, S. 2015. Pokloneniye volkhvov: Roman [Worship of Magicians: Novel]. Moscow: Ripol klassik. Print. (In Russ.)
14. Medvedev, V.N. 2013. Zakhkhok: Roman [Zakhkhok: Novel]. Moscow: Arsis Books. Print. (In Russ.)
15. Volos, A.G. 2013. Vozvrashcheniye v Pandzhrud: Roman [Return to Pandzhrud: Novel]. Moscow: OGI. Print. (In Russ.)
16. Bakhman, I. 1981. O eti schastlivyye glaza [Oh these Happy Eyes]. Moscow: Progress. Print. (In Russ.)
17. Frish, M. 1991. Nazovu sebya Gantenbayn [I will call myself Gantenbayn], M. Frish. Izbrannyye proizvedeniya: V 3 t. [Chosen works in 3 t.], translated from German. Moscow: Khudozh. Liter. Print. (In Russ.)

Article history:

Received: 14.08.2018

Accepted: 28.09.2018

Moderator: V.P. Sinyachkin

Conflict of interests: none

For citation:

Shafranskaya, E.F. 2018. “Novel “Return to Panjrud” by Andrei Volos as Reconstruction of Daily Life of Maverannahr and Poet’s Rudaki Fate”. *Polylinguality and Transcultural Practices*, 15 (4), 618–627. DOI 10.22363/2618-897X-2018-15-4-618-627

Bio note:

Eleonora F. Shafranskaya is a Doctor in Philology, Associate Professor, Professor of the Department of Russian Literature, the Institute of Humanities, Moscow City Pedagogical University. E-mail: shafranskayaef@mail.ru